

ЕКАТЕРИНА НЕВОЛИНА

ГЛАЗА

— **ЕЕ** —

КУКЛЫ

Москва
2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Н40

Оформление серии *Е. Окольциной*

В оформлении обложки
использована иллюстрация *В. Кармазина*

Редактор серии *А. Антонова*

Неволина, Екатерина Александровна.

Н40 Глаза ее куклы : [роман] / Екатерина Неволина. — Москва : Эксмо, 2019. — 320 с. — (Ловушка для души. Психологические триллеры Е. Неволиной).

ISBN 978-5-04-100295-4

Смысл ее жизни составляли куклы. Увлечение ими пошло от старинной немецкой куклы Гретхен, привезенной дедушкой из Германии после войны. Но однажды ей встретился красивый мужчина с необыкновенными ярко-синими глазами, и к ней, казалось, пришла настоящая любовь. Кто же знал, что эта встреча тщательно срежиссирована, а все действующие лица — лишь фигурки на шахматной доске, где властвуют семейные проклятия и человеческая подлость.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© **Неволина Е.А.**, 2019
© **Оформление.**
ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-100295-4

Глава 1

2019 год, начало мая

Это очень тонкая работа. Осторожно, с помощью крохотной лопаточки с заостренным черенком, обозначаю нос. Выравниваю его, плотно соединяя с поверхностью лица. Поддеваю внизу, формируя ноздри. Теперь губы... Каждое движение вносит незначительные изменения, и тем не менее из бесформенного куска, подобного куску первоматерии, возникает лицо.

Чувствую себя богом, лепящим из глины первого человека. Интересно, что ощущал Создатель в этот момент? Предвидел ли, какими станут его творения? Он так же мял нас, как я до боли в руках разминаю непослушный вначале материал, делая его мягче и пластичнее? Нам много говорят про заложенную в нас свободу воли, но насколько мы свободны на самом деле? Свободна ли я?..

Отведя взгляд от почти законченной работы, я посмотрела на полоску света, лежащую на ста-

ром желтом паркете, исцарапанном и истертом за долгие годы эксплуатации. В этом луче царпин почти не разглядеть, зато видны повисшие в воздухе пылинки. Они медленно кружатся в хороводе, не в силах взлететь ввысь и вырваться из своего окружения. Та же проблема у большинства из нас.

Мир кукол понятней и светлее нашего.

Я вернулась к работе. Тщательно вытерев руки влажной салфеткой — мой материал очень восприимчив и не терпит никакой грязи, — бережно, словно лаская, коснулась новорожденного лица. Это далеко не первая моя кукла, однако каждый раз я чувствую волнение и, несмотря на эскизы, не знаю до конца, что выйдет в итоге. Самое главное — глаза. Когда у куклы появляются глаза, она оживает. С этого момента я вижу ее характер, привычки, особенности. Я тоже Создатель, однако у моих кукол — своя воля.

В этот миг я вдруг почувствовала чей-то тяжелый, напряженный взгляд, направленный мне в затылок. По шее пробежали мурашки. В квартире я одна, но тем не менее кто-то на меня смотрит.

Секунды капали, как вода из плохо закрытого крана, и каждая капля больно била по напряженным нервам. Медленно, как во сне, словно я сама подвешенная на ниточку, плохо управляемая кукла, оглядываюсь. Никого. Комната по-прежнему пуста. Вот старый диван, небреж-

но накрытый красным клетчатым пледом. Вот шкаф. За стеклом стоят книги, а на открытых полках разместились куклы — те, которые не захотели покинуть мой дом. И среди них одна, не созданная моими руками, но та, которая более всего способствовала возникновению своих сестер. На какое-то сумасшедшее мгновение мне показалось, что на меня смотрели именно ее ярко-сапфировые глаза. Наверное, я сумасшедшая?.. Я провела рукой по лицу, прогоняя наваждение, стряхивая страх, как налипшую паутину. Затем решительно встала и подошла к шкафу.

Ярко-синие глаза Гретхен, как всегда, бессмысленно глядели перед собой.

Я перевела дыхание, стало легче, будто меня разморозили. А по спине и вправду скатилась капля.

— Глупости! — произнесла я вслух, нарушая напряженную тишину квартиры. — Мама была права — с этими куклами я совершенно сойду с ума. Мне нужно больше общаться с людьми, жить реальной жизнью.

Ярко-красные губки на бледном фарфоровом личике Гретхен привычно усмехались, чуть обнажая мелкие-мелкие белые зубки. Кукла казалась бы очень хорошенькой... если бы не уродливая царапина, тянущаяся наискосок через ее румяную щечку. Я поспешно отвернулась и отошла от шкафа. Смотреть на царапину было больно. Давняя вина поднялась из глубин памяти и под-

ступила к горлу. Я зажала ладонью рот, словно пыталась удержать внутри мутную горечь, а второй рукой зашарила по столу в поисках стакана с водой, но вместо него наткнулась на подставку, которая опрокинулась, издав неприятный, похожий на всхлип, звук. Только что сделанная кукольная голова упала. Тщательно вылепленное лицо сплющилось. Теперь уже не поправить. Я с досадой сжала тугой комок пластика, слыша, как внутри него, словно настоящий череп, захрустел слепленный из фольги шарик.

Все насмарку! Трехдневная работа, а еще две предыдущие недели, когда я ходила, обдумывая нерожденный образ, тщательно подбирая, пропуская через себя каждую деталь.

Раздраженно бросив непригодный больше комок на стол, я решительно открыла ящик и вынула початую пачку сигарет. Вообще-то я не курю, сигареты забыл у меня кто-то из гостей, и теперь они служат спасением немногочисленным страдающим, жаждущим просмолить свои легкие... Но бывают дни, когда вроде ничего особенного не случается, однако без сигареты не обойтись.

Я вышла на балкон и неумело закурила, тут же закашлявшись от порции дыма. Руки еще дрожали, однако постепенно я успокаивалась. С балкона открывался вид на вполне себе мирный дворик, где гуляли мамы с колясками, возились в песке громкоголосые малыши,

а в ветвях густой, еще не распустившейся сирени гомонили и копошились юркие московские воробушки. День был довольно прохладным и ветренным, но вполне весенним. Полный суеты мир не предполагал ничего необъяснимого и сверхъестественного. Сама не знаю, с чего это нервы так расшалились.

В любом случае с работой на сегодня покончено.

Я заварила крепкий кофе и плеснула в него чуточку «Бейлиса» для вкуса. Стала просматривать на ноутбуке обычные ресурсы: инстаграм, ярмарку, контакт... В сообществе «ВКонтакте» под моим постом, посвященным куклам, появилось несколько комментариев. Один из них привлек мое внимание.

«Не поверю, что вы не художник, — писал некто под банальным ником Ник. — Глаза ваших кукол говорят об обратном. В Средние века вас, чего доброго, обвинили бы в колдовстве».

«И вам хочется бросить в костер свою вязанку?» — ответила я и открыла профиль Ника. На его аватарке был летящий орел с распростертыми крыльями. Сведений оказалось очень мало. Пол: мужской, возраст не указан. Интересы: музыка, история и... Надо же! Куклы! Видно, он не случайно забрел в специализированное сообщество. Тоже мастерит? Среди мастеров иногда попадались мужчины, но по большей части они были слегка чудаковатыми, как их куклы...

Нет, вроде не мастер. Нет альбома с собственными изделиями. Зато есть фотографии старинных кукол и материалы по ним. Я с интересом пролистала и картинки, и статьи. В вопросе этот анонимный Ник вполне разобрался. Или перепостил хороший материал. Но зачем бы?

Тем временем на колокольчике — маркере новых уведомлений — в красном кружке появилась цифра «один».

«Если бы я расстался со своей вязанкой, то только ради того, чтобы бросить ее в печь для обжига одной из ваших кукол, — продолжил пикировку Ник. — Особенно если бы надеялся, что когда-нибудь она попадет в мою коллекцию, хотя обычно современные куклы меня не интересуют».

Я усмехнулась. Подумаешь, ценитель! Скорее всего, собирает что ни попадя, считая ценным антиквариатом. Я сама интересовалась историей кукол. Конечно, благодаря Гретхен, но надо признать, не нашла ни одной похожей на нее.

Однако неумело флиртующий тип уже стал меня раздражать. Я, кстати, ярко представила его себе: худой, уже не первой свежести, с длинными засаленными волосами и уже хорошо заметной сияющей, точно Вифлеемская звезда, лысиной. Недаром фото на аватарку постеснялся поставить. Впрочем, внешность ни при чем. Думаю, по ту сторону сетей инфантильный, так и не научившийся жить в реальности мужик. На-

верняка он еще в детстве любил играть в куклы и тайком таскал их у девочек, а с течением жизни багаж комплексов и компенсаций вырос неисчислимо. Психологический портрет навскидку: одинокий, неуверенный, обидчивый нытик, думающий о себе как о сокровище нации.

«Думаю, попасть в вашу коллекцию слишком большая честь для меня», — ответила я и собиралась уйти из сети.

Но ответ пришел неожиданно быстро, и я не удержалась, взглянула.

«Вы смеетесь, но среди немецких кукол 1900—1930-х годов попадаются удивительные экземпляры», — прочитала я, и сердце вдруг заколотилось.

«Интересно посмотреть на вашу коллекцию», — не удержавшись, написала я.

А спустя несколько секунд в личку пришло письмо: «Вот вам два экземпляра для затравки» — и ссылка.

Первой шла фотография очень редкой куклы с азиатскими чертами, темными волосами, собранными на затылке, одетой в расшитый костюм с двумя рядами круглых металлических пуговиц. В ушах у куклы посверкивали изумруды, оттеняющие зелень глаз. Наверняка драгоценные камни были настоящими.

На второй фотографии оказалась, напротив, типичная немецкая кукла начала двадцатого века — нордическая барышня с двумя косичками,

ярко-алыми щеками, капризными губками. Наряд ее состоял из голубого шелкового платья, отделанного мехом, пелеринки и муфточки.

Ни одна не похожа на Гретхен. Зато, насколько я могла судить, обе являлись действительно ценными. А коллекция у этого Ника, вероятно, неплохая. К тому же неизвестно, что еще скрывается в ее недрах.

Вот тебе и тип с блестящей лысиной.

«А можно ли взглянуть на другие шедевры?» — спросила я небрежно и добавила ухмыляющийся смайлик — просто так, чтобы этот Ник не зазнавался.

Шли минуты, а он не отвечал. Черт, а ведь он ушел в офлайн.

Почему-то это меня огорчило. Выходит, он не заинтересован в общении? Или что-то его отвлекло? Но в этом случае мог бы хоть попрощаться. Конечно, «ВКонтакте» — это вам не светский салон девятнадцатого века, однако хотелось бы, чтобы соблюдались хоть какие нормы приличия.

Я с досадой захлопнула ноутбук. И вдруг подумала: а если это никакой не незнакомец по имени Ник, а одна из моих коллег-конкурок решила меня провоцировать? Я сама не люблю конфликты, дележ пространства и прочих жизненных благ, мои куклы и без этого неплохо покупаются, однако в любом творческом деле без зависти не обойтись. Помню, сначала ме-

ня удивляли вдруг начавшие появляться негативные отзывы на мои работы, однако Галина, тоже мастер, с которой мы приятельствовали в сети, объяснила суть таких манипуляций. Думать, что кто-то из коллег-кукольников способен на подлость, мерзко, словно касаться рукой отвратительной желто-зеленой слизи. Казалось бы, творчество и зависть несовместимы, но, увы..

Так где же гарантия, что мне написал реальный человек? Чем дольше я думала об этом, тем больше находилось доказательств обратного. В кукольном сообществе знали мой интерес к куклам определенной эпохи. Это и послужило крючком, на который я с такой готовностью клюнула.

«Ну ничего, — подумала я, снова открыв ноут и разглядывая страницу этого самого подозрительного Ника. — Они неплохо подготовились. Надо сделать вид, будто повелась, а потом самой посмеяться над ними..»

Никакого блестящего хода пока что не придумывалось, однако спешить необязательно — оставим это на время, авось мои враги сами подскажут мне наилучший способ действий.

Эти мысли меня успокоили, и остаток дня я провела за незначительными хозяйственными делами, неизменно накапливающимися даже при идеальном ведении дома. А мой дом идеальной хозяйкой похвастаться не мог. Вече-

ром я просмотрела сразу три фильма по Джейн Остин и легла спать уже в неплохом настроении.

Но едва закрыла глаза, как очутилась в комнате с уныло-желтыми обоями. Все предметы в ней были огромными или, вернее, выглядели такими, а я сама вдруг стала совсем маленькой.

В огромном кресле, напротив меня, сидела женщина. Ее лицо терялось где-то в вышине, видны были только серые тапки с круглыми меховыми помпонами и обтянутые фиолетовым фланелевым халатом колени. Тем не менее я отчего-то знала, что это прабабушка Ната, умершая еще до моего рождения.

Прабабушка наклонилась надо мной, и ее тень прихлопнула меня сверху, как прихлопывает муху сетчатая мухобойка.

— Ты обидела куклу! — произнесла прабабушка Ната. — Ты понимаешь, что ты сделала?!

Я понимала, а поэтому сжималась от ужаса, становясь еще меньше, уткнувшись носом в собственные колени, неосознанно принимая позу зародыша, желая раствориться совсем, превратившись в крохотную одинокую клеточку, текущую в венах мироздания.

И тут давящая тень вдруг исчезла, а вместо этого меня повлекло куда-то с невероятной силой, словно затягивало пылесосом.

Я очутилась в небольшой, очень скудно обставленной комнате с тускло-зелеными обоями, кажется, предшественниками и фактически

близнецами желтых. В глаза бросились большой лакированный стол с грубыми ножками, железная кровать с изогнутыми спинками в ногах и у изголовья, свисающий с потолка матерчатый оранжевый абажур люстры и огромный, на ножках, ящик, о котором я откуда-то знала, что это приемник. Над ним висел бумажный портрет кудрявого мужчины с пронзительным, чуть высокомерным взглядом — это был Александр Блок.

А еще в комнате находилась худощавая девушка, одетая в старомодное простенькое платье, скорее напоминавшее ситцевый халатик. Я словно наблюдала за ней со стороны, невидимо паря в воздухе.

Девушка сидела за столом и нервно перебирала исписанные, все в странных сгибах листочки бумаги. Вдруг дверь (о, оказывается, в комнате была дверь!) открылась, в помещение ворвался порыв свежего ветра и... вошел молодой симпатичный мужчина.

Бумаги, словно птицы, слетели со стола, но, не найдя в себе сил на дальнейшее странствие, бессильно опустились на пол неподалеку.

Девушка медленно встала.

С минуту они просто стояли друг напротив друга.

А потом она, издав странный гортанный звук, бросилась гостю на шею. Ее руки, словно у слепой, непрерывно двигались — ощупывали его плечи, зарывались в волосы.